

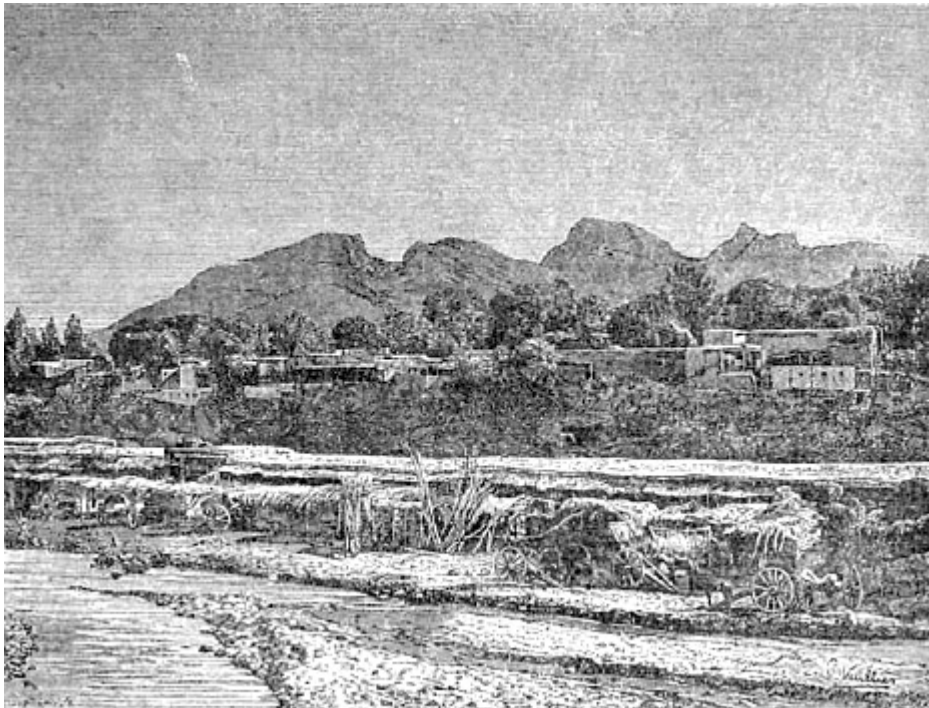
Город Ош и его тюрьма

Ю. Д. Головнина. На Памирах. Записки русской путешественницы. — М., 1902.

17 июня [1898 года]. В 5 часов дня выехали мы из Андижана, рассчитавшись с любезным и чрезвычайно добросовестным хозяином гостиницы, и в наемных фаэтонах направились к г. Ош, отстоящему от Андижана в 48 верстах. Вся дорога идет слегка в гору и очень живописна. Проехав верст 5 по пыльной степи, окруженной холмами с выгоравшей, пожелтевшей травой, нашим глазам открылась красивая долина, густо заселенная, с массой зелени и обработанными полями; кишлаки — торговые, раскинувшиеся на больших пространствах; видно много хлеба, который складывается в небольшие скирды на крышах жилищ.

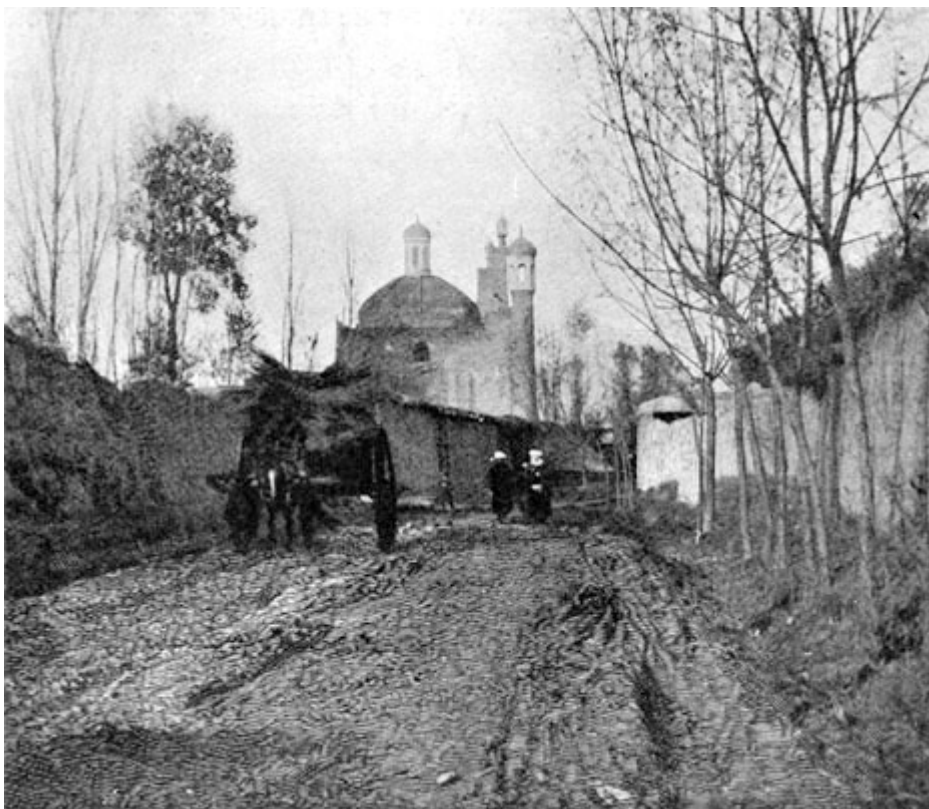
Деревья по породам своим разнообразны: тополь серебристый и пирамидальный, ветла, тутовое дерево, карагач; но зато карагачи и тополя достигают таких колоссальных размеров и такой красоты форм, о которых я не имела понятия. Остановившись на минуту, чтобы напоить лошадей на станции, отправились далее некрупную, ровную, но очень спорою рысцою; начинало темнеть, выплыла полная луна, освещение которой придало местности вид фантастической декорации.

Город Ош

Наконец мы въехали в азиатские окраины города Ош, среди которых возвышается гора Сулейман-Тахта («трон Соломона»; по преданию, именно здесь, восседая на этой горе, Соломон

чинил суд и расправу). Город, как азиатский, так и русский, вытянулся длинной полосой вдоль берега реки Ак-Буры.

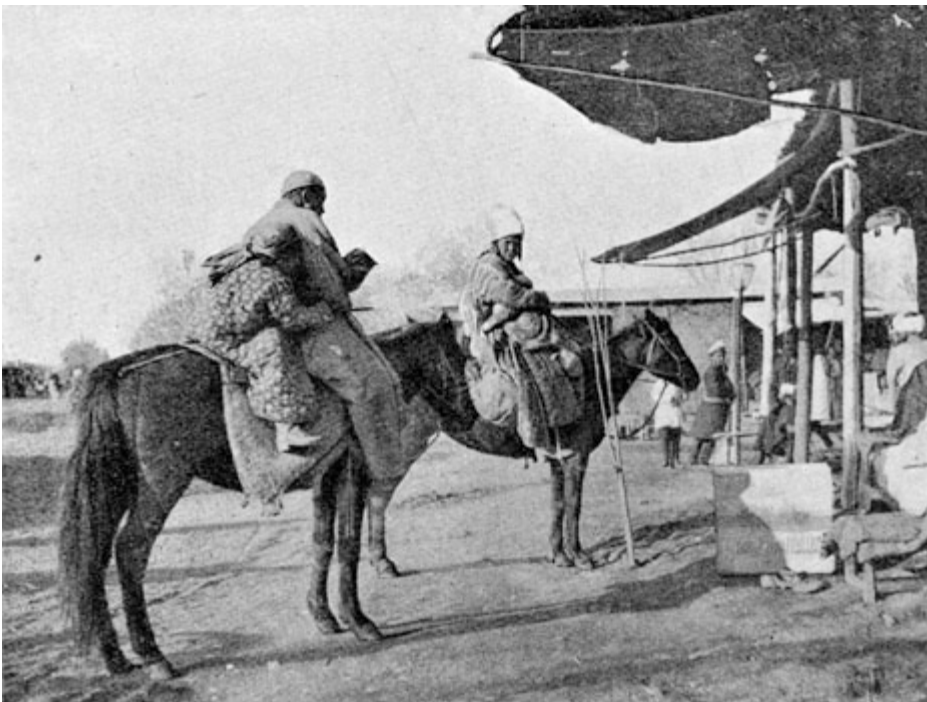
Въезд в город

Направились мы прямо в Военное собрание, где и рассчитывали найти приют на несколько дней, которые нам приходилось провести в этом городе для окончательной экипировки нашей экспедиции; туда же направились и опередившие нас вещи и багаж. Но нам пришлось потерпеть немалое разочарование: собрание чистилось и красилось к приезду генерал-губернатора, а потому и разместиться в нем вшестером, да еще с большим количеством громоздкого багажа было неудобно; на почтовой станции обе имеющиеся комнаты для приезжающих оказались занятыми, ни гостиниц, ни даже постоянных дворов в городе не имеется. Положение наше становилось критическим: 11 часов вечера, пустынная улица заснувшего городка, на этой улице шесть бесприютных путников, окруженных бесчисленными ящиками всяких форматов, у этих путников тела, просящие отдыха и, что еще хуже, желудки, настойчиво требующие пищи; сверху луна задумчиво и равнодушно заливает фантастическим светом эту не лишенную трагизма картину.

Несмотря на поздний час, с храбростью отчаяния, муж отправился к батальонному командиру, у которого, на свое счастье, застал уездного начальника, подполковника В. Н. Зайцева, благодаря заступничеству которого нас и водворили на первую ночь в самом здании Военного собрания, а на следующий день раскинули в саду юрту для мужчин и палатку для нас с Н. П. [...]

Мать и дочь у своего дома

Киргизская семья на базаре в Оше

23 июня [1898 года]. Осматривали сегодня местную тюрьму, в которой много заключенных по Андижанскому инциденту, и дело не обошлось без комического недоразумения: вооруженные, как всегда, фотографическими аппаратами и штативами к ним, мы гурьбою подошли к решетчатым воротам тюрьмы и просили сторожа доложить о нас г-ну начальнику тюрьмы, к которому имели письмо В. Н. Зайцева с просьбою допустить нас к осмотру заключенных. Окинув нас подозрительным взглядом, сторож скрылся и, вернувшись через минуту, объявил, что «войти можно, но играть здесь нельзя». На наши недоумевающие расспросы он лишь настойчиво повторял, что «смотреть — смотрите, а играть никак нельзя». Пока мы оглядывали друг друга, силясь догадаться, какие, собственно, игры нам возбраняются, и кто из нас мог дать повод заподозрить нас в столь легкомысленных намерениях, громкий смех подошедшего начальника тюрьмы положил конец недоразумению: сторож доложил ему, что пришли какие-то музыканты и просят в тюрьму.

Нам очень любезно было разрешено не только осмотреть всех заключенных, но и снять с них фотографии. «Андижанцы» сидят в подследственной камере, отдельно от остальных арестантов. Большинство — киргизы; лица неприятные, опущенные вниз глаза, позы смиренные, со сложенными руками; многие что-то шептали про себя. Нам указали на двух стариков, из которых один имел вид необычайно смиренный, стоял сгорбившись и едва, по-видимому, дерзал поднять на нас глаза; но тем не менее он был одним из наиболее деятельных и фанатичных пособников Ишана. Другой был совсем лядящим старичком с седою обтрепанною бороденкою: этот во время преследования забился в пещеру и уложил трех джигитов, сунувшихся было взять его; сдался он лишь после того, как от входа было направлено на него дуло ружья с обещанием немедленно стрелять. Этот же старикашка выдержал затем, не издав ни одного звука, 200 ударов розог, и ударов ожесточенных, так как солдаты были страшно озлоблены. Внутренность тюрьмы совсем не производит впечатления мрачного: высокие, просторные камеры, чисто выкрашенные белой краскою, громадные окна, за которыми виднеется густая зелень, масса света и воздуха; если бы не железные решетки в окнах, не сразу бы и догадался, что находишься в месте заключения.